4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 18 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ТЕАТР ДЛЯ СЕБЯ

Рисунок Николая Васильевича Гоголя.

АНТОН АНТОНОВИЧ СКВОЗНИК-ДМУХАНОВСКИЙ

(К постановке „Ревизора“ в Киевском Суде, при участии бывш. сотрудников местной милиции).

ВЕСЕЛЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

(В порядке обсуждения)

Довольно! Кончено! Поэтам не внимаю,
Стихами не лечу душевных синяков,
И, став спиной к лирическому маю,
Зову на бой бессмертных стариков.

К чертям, друзья, высокие поэмы!
Сосуд поэзии на сто кусков разбит,
«Над розой соловьи», затравленные, немы,
И сгинула «луна», в борьбе за новый быт.

«Сад, весь в цвету»... «На всем какая нега»!
Товарищ Фет! Заткнитесь! Жизнь проста:
О, беспризорный май! О, месяц для побега
Из детдомов в курортные места!..

«Не о былом вздыхают розы»? Плюньте!
Эх, Тютчев, Тютчев... Это-ли момент?
Цветок любви возрос на новом грунте:
За месяц май гоните алимент!

«Взгляни на тихую луну»!.. Какая проза!
Стыдитесь, Лермонтов! Иные есть дела:
Богиня отпусков и кризисов угроза,—
Отрезом ситца в сердце снизошла..

«О свет зари младой»!.. «О, нежный цвет
закатов»!..
Сдавайся, лирика, под тяжестью грехов!
Склонись пред майским сокращеньем
штатов,
Что ждет певца и вороха стихов!!

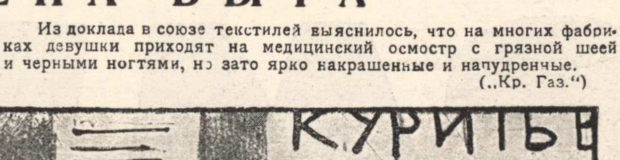
Когда передовиц грохочут яро пушки,
Вздыхать о розах может идиот,
Час неровён: придет советский Пушкин
И нашу прозу пылко воспоет.

Простите, старики, но жизнь серьезный
фактор—
«Растрата» «Роз» дороже во сто крат.
Поймите, лирики, что вам любой редактор
Пометит на стихах короткое: «возврат»!

Александр Фл..т

ГИГИЕНА БЫТА

Рис. Б. Малаховского

Из доклада в союзе текстилей выяснилось, что на многих фабриках девушки приходят на медицинский осмотр с грязной шеей и черными ногтями, но зато ярко накрашенные и напудренные.
(„Кр. Газ.")

— Странный доктор какой-то! Сердитый!
— А что?
— Да посмотрел он на меня и говорит: „Шею вам намылить надо"! А за что— не понимаю!

ЗАМЕТКА В СТЕНГАЗЕТУ

Было ровно 8 часов, когда Степан Хряш допил водку, швырнул бутылку в голову прохожего, дернул за бороду своего деда и вышел на улицу.

Было ровно 9 часов, когда Степан хрящ ворвался в клуб, стащил за ногу лектора-агронома, выбил два зуба у заведующего и разогнал всю публику увесистыми „матами" в три этажа с мезонином и выше.

И было ровно 10 часов, когда возмущенный, Веняпин схватил лист бумаги и стал вдохновенно писать в стенгазету „Острый Зуб" заметку о хулиганстве Степы Хряща.

Через несколько минут заметка была готова.

НАГЛОЕ ХУЛИГАНСТВО

Известный всему селу позорными хулиганскими выходками Степа Хрящ опять нахулиганил. Напившись, как свинья, он ворвался в клуб, нагло стащил за ногу агронома, каковой просвещал крестьян насчет трактора, после чего вышесказанный Хрящ в порядке нахальства стал держать курс на зубы тов. Сидорова, каковые и вышиб в количестве двух штук. Затем он обложил их всех матом, что в общем и целом надо заклеймить позором. Что смотрит милиция?

Возмущенный

Прежде чем отнести заметку в редколлегию, Веняпин прочел ее жене.

— Ты с ума спятил! — всплеснула она руками.—Нешто можно про хулигана так выражаться? Да он тебя на месте убьет!

— Ну, скажешь тоже, убьет! Так, может, раза два по уху съездит. Да и откуда он узнает, кто писал?

— Узнает! От него не скроешься... А насчет — по уху съездить, так на всех хулиганов ушей не напасешься! Разорви, Васенька, заметку - то!

Веняпин задумался.

— Гм! Разорвать—не разорву. А вот смягчить малость можно.

И, присев к столу, он написал:

НЕКРАСИВЫЙ ПОСТУПОК

Знакомый многим в селе своим буянством гр. Степа Хрящ опять отличился. Порядочно выпив, он вбежал в клуб и оттолкнул агронома, каковой просвещал крестьян, после чего повредил два зуба у тов. Сидорова. Напоследок Хрящ стал матерно ругаться. Культкомиссия, где ты?

Почти возмущенный

Поставив последнюю точку, Веняпин перечел написанное и задумался.

— Теперь как будто лучше, хотя... Пожалуй, пересолил малость: „своим буянством"... „матерно ругаться"... Гм! Разве еще немного смягчить?

Веняпин погрыз карандаш и стал писать... Очередная заметка гласила:

НЕУМЕСТНАЯ ШУТКА

Наш известный весельчак тов. Степа Хрящ порою позволяет себе неуместные шутки, каковые лучше не делать. Слегка выпив, что никому не возбраняется, тов. Хрящ пришел в клуб. Видя, что агроном рассказывает про трактор, Степа его отстранил и сам произнес речь про шахматные маты. По нечаянности он при этом толкнул тов. Сидорова в зубы каковые сильнозаболели. Фельдшер, где ты?

Невозмущенный

— Ну, вот, — сказал Веняпин, — теперь хорошо. Хотя слова „неуместная шутка" могут показаться этому хулигану проклятому обидными . Переделать разве еще раз?

Рано утром Веняпин, после бессонной ночи напряженного творчества, отнес в редколлегию следующую заметку:

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Общий наш любимец, дорогой товарищ Степан Хрящ очень оживил нашу культработу. Придя совершенно трезвый в клуб, он попросил слова и произнес по всем текущим моментам замечательную речь. У завклубом Сидорова от удовольствия даже зубы разболелись. Почаще-бы нам такие разумные развлечения!

Восхищенный

В таком виде заметка и пошла.

Д. Долев

КОЛЕСО ЖИЗНИ

Вертится колесо жизни! Зима, за ней — весна; а там — лето, осень, опять зима. .

Люди рождаются, растут, влюбляются, поступают на службу, сокращаются, женятся...

Ужасный шаблон!

Колесо жизни захватило и Мишу Столопова.

Не поспел Миша Столопов сдать политграмоту, как — пожалуйте, сознательный Миша, в круговорот жизни!

Подошла пора, про которую ловко выразился т. Пушкин — „Пора надежд и грусти нежной“.

Влюбился Миша.

В этих случаях надо бы (по шаблону) описать предмет Мишиной любви. Но не так это легко. Совсем даже нелегко!

Раньше, у довоенных писателей, ведь как было? Просто: „Оля была стройная блондинка с нежным задумчивым лицом и парой самых глубоких в мире голубых глаз. Ее голос... ее ножки...“

Но попробуйте применить этот шаблон к Мишиному предмету! Когда, во-первых, на лицо — одиннадцать пар глаз самой разнообразной окраски; когда у Мишиного предмета одиннадцать различных голосов, двадцать две ножки на разные размеры галош, начиная с 7-го номера и выше!

Тут писателю очень трудно разобраться. Тут можно проклясть свою профессию: зачем, мол, угораздило тебя родиться писателем в такое сложное время...

Но всетаки попробуем писать дальше.

И так, влюбился Миша. Заметьте, что и Мише в тысячу раз труднее, нежели бывшим довоенным Мишам.

Шутка ли? Там, например, была какая нибудь одна единственная Оля, а тут — целых одиннадцать!

Прямо, голова у Миши пошла кругом. И доведись случиться на его месте неграмотному — совсем бы растерялся! Грамотному и вообще сознательному — легче.

Грамотный Миша весь свой коллективный предмет в книжку занес — в алфавитном порядке, с указанием адресов и примечаниями в особой графе.

1. Арбузова, Соня — 14-ти лет, проспект Нахимс. 9. Согл.
2. Бобко, Катя — 14-ти лет, пл. Восстания. 21. Колеблется Назн. свид. в 8 час. завтра. В кино.
3. Бузина, Ниночка — 15-ти лет, Боровая, 49. Согласна.

и т. д.

Конечно, это облегчило трудную работу. Регистрацию не зря придумали — регистрация полностью выявляет положение дела, насущные потребности момента и т. д.

Что видит влюбленный Миша, лихорадочно рассматривая свой алфавитный список? Он видит, что из одиннадцати: семь голосов — за, три воздерживаются и один голос — против.

Стало быть, дальнейшее направление работы ясно: нужно развить бешеную агитацию по адресу Сони Прыщик (голос против), поднажать на трех колеблющихся (Катя Бобко, Зоя Рыжова и Тамара Мопсович) и поддерживать постоянную бдительную увязку с семью остальными.

Ах, как трудно! Вы представить себе не можете, вы — старые люди, напичканные предрассудками!

Миша — с головой в работе. Одиннадцать записок по разным адресам, разного характера девицам... Это вам — не одна записочка одной, единственной, любимой.

Тут, при правильной постановке, машинку надо, чтобы размножать циркулярные обращения. Тут, прямо сказать, все пальцы чернилами заляпаны и с натуги болят.

«Спешно. Весьма Срочно!!!

Дорогой Кате Бобко

Напоминаю, что Вы должны прибыть завтра в 18 часов в кино «Золотой Якорь». Просьба не опаздывать.

Ваш на всю жизнь М. Столопов.

Явка обязательна“.

Аналогичное отношение — Зое Рыжовой и Тамаре Мопсович. Только сроки явки указаны другие: нельзя же, чтобы все три прибыли одновременно. На практике это создает нежелательные затруднения.

«Спешно! Срочно!! В собственные руки!!!

Милая Соня Прыщик! Я за вас страдаю от жгучей любви. Почему же вы голосуете против? Приходите в 19 часов в „Золотой Якорь“. Я вам изложу свое сердце целиком и полностью.

Без памяти ваш М. Столопов“.

Как видите, подход к Соне Прыщик — совсем особый. Соня Прыщик неподатлива — с ней намучишься, пока обработаешь.

А что же дальше? Что же происходит после того, как все одиннадцать уступили Мишиному красноречию и дружно — единогласно выступают „за“?

Ах, читатель! Дальше начинается — чорт знает, что! Представьте — вдруг к Мише начинают поступать письменные и словесные заявления со всех одиннадцати мест:

„Миша, я... ну, понимаешь?.. Нуждаюсь в або... понимаешь?“

Скандал! Голова кругом! Этого еще не доставало!

Когда не надо, все, чорт бы их драл, голосуют единогласно.

Что делать?

Миша чешет карандашом нос и раздумывает. Затем вынимает алфавитный список любви и жирно перечеркивает несколько раз сверху до-низу — целиком и полностью. Сокращены! Очень просто.

Запись новых открывается.

Ив. Прутков

МЫСЛИ СОЛИДНОГО ОДИНОКОГО

1. Не всегда можно достичь желанной цели: так например, зайдя в пивную подкрепиться, часто уходишь оттуда совсем расслабленным.
2. Часто для того, чтобы выйти из положения, нужно просить других войти в положение.
3. Если твой ребенок проглотил гривенник, не волнуйся: это — немного.
4. Если ты упрдом — это хорошо. Если-же квартальный надзиратель — еще лучше.
5. Если ты в учреждении мелкая сошка — сиди за столом, не сходя с места. Пусть начальство знает, что 40 рублей ты получаешь не даром. Если же ты сошка крупная — старайся почти не бывать в учреждении. Пусть начальство думает, что ты не очень-то дорожишь местом.

А. Н—тов

ОТЕЛЬНЫЕ БЛАГА

— Как бы это номерок в Европейской гостиннице снять!

— В каком этаже?

— Не в этаже вовсе, а с вешалки! Может, завтра по нему пальтецо какое взять удастся!

ДЕТСКОЕ

Бабушка: И сидит человек, и приговаривает! И сидит, и приговаривает...

— А что он, — такой болтун, бабушка? Да?

— Не-ет! Судья — он!

СПРАВЕДЛИВОЕ НЕГОДОВАНИЕ

Рис. Н. Р.

Собака: Ишь ты! Обо мне, чорт, в газете напечатал: пристала, мол, собака! А сам, гляди, к пятой пристает!

МЕРА СИЛЫ

Рис. Г. Эфроса

— У вас во сколько сил автомобиль?
— В одну.
— То-есть?
— В силу моего положения.

ГРЕШНЫЕ МЫСЛИ

(Сезонный фельетон на вечную тему)

От лучей горят оконца, как сигнальные огни...

Хорошо, бежав от солнца, под мостом лежать в тени — и, послав к умершим предкам дел нелепых дребедень, с беспризорным малолетком дискуссировать весь день.

Лег на землю. Распластался. Драный зад во всей красе.

— Ты когда-нибудь катался на трамвайной колбасе?

— Нет...

— Эх, ты! Куды-ж ты годен! К курам, что-ли, на шесток? Кабы я да был свободен — не слезал с нее-б, браток! Все одно, трамвай—как нанят: погоняй! Пошибче штоб! Еслиб я...

— А чем ты занят, восьмилетний губошлеп?

— Я-то...

Глянул обалдело:

— Аль не знаешь? Полно врать! Мало, что-ли-ча, мне дела от мильтонов удирать? Цапать нас всегда охочи... Как нарежутся—беда! Я на-днях поехал в Сочи...

Я аж рявкнул:

— Что? Куда?

— В Сочи. Сочи, это—где-то. Говорят, житьишко всласть... Я решил туда на лето обязательно попасть... Под вагон пролез, брат... Лихо! Впёр в коробку. Темь кругом...

Помолчал. Добавил тихо:

— Только... Сняли в Бологом...

* * *

От лучей горят оконца, как сигнальные огни...

Хорошо, бежав от солнца, под мостом лежать в тени!

Эх, вот жить-бы так—без клеток, без учетов, без анкет— как веселый малолеток, беспризорный Мишка Шкет!

Ездить в Крым из лета в лето. И —у сытых не в чести— беспризорного поэта гордо звание нести!

А. д'Актиль

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СТАРУШКА

Рис. Н. Радлова

— Скажи, мил-человек — как-же трамвай пойдет: здесь дорога широкая, а там узенькая?

— Это, бабушка, обман зрения.

— Ну, батюшка, и жизнь нонче стала! Кругом обман—уж и здесь-то обмануть надо!

ПРОФЕССИОНАЛЫ

Посв. Б—чу.

Недавно один мой хороший знакомый—седой, желтый от табачного дыма и даже профессор—сказал мне:

— Хотите проскучать три часа?

— Если вы зовете меня в драму, не поеду,—ответил я.

— Вы не угадали. Это будет немножко веселей. Я хочу захватить вас на свой доклад в общество „НОС" (Научное Общество Строителей). Доклад, пожалуй, покажется вам скучноватым, но зато—туда и обратно на извозчике, за мой счет. Кроме того, вы увидите спецов-профессионалов, вы окунетесь в атмосферу энтузиастов, преданных с головой науке и технике. Можете понаблюдать. А если надоест, вздремните в уголочке—никто вам не помешает.

— Перспектива заманчивая! Но, чорт возьми, почему вы думаете, что я не заинтересуюсь докладом?!

— Я читаю о расчете двутавровых балок. Едва ли это вам любопытно.

Балки. И, вдобавок, какие-то двутавровые. Да, — я не нашел в себе мужества заверить, что горю желанием о них слышать.

Тем не менее, мы поехали в НОС.

Дорогой я старался показать, что отношусь не совсем уж так безразлично к балкам и даже кое-что смыслю — вообще в балках и в двутавровых, в частности.

Я говорил, приблизительно, следующее:

— Конечно, я—не вы, не спец. Мне эти балки не попадались так часто в жизни. Но всетаки. Один раз мне неожиданно пришлось иметь самое тесное соприкосновение с одной такой балкой: она свалилась с постройки в двух шагах от меня. К счастью, я отделался только испугом. Но вот, была ли она двутавровая или какая,—не скажу.

Чтобы еще больше поднять себя в глазах профессора и вселить в него убеждение, что, везя меня на доклад, он имеет шанс увеличить число своих внимательных слушателей ровно на одного,—я высказал вслух догадку:

— Скажите, профессор — слово „балкон" происходит от общего корня с балкой?

Утвердительный ответ дал мне смелость продолжать изыскания в этом же роде. Я сказал:

— Вероятно, Балканы тоже отсюда же?

— Нет,—кротко сказал профессор:—они не отсюда — они из географии.

После этой неудачи я уже не рискнул высказать другое, одновременно пришедшее мне в голову соображение, насчет родства слов „двутавровая" и „Таврида".

Я осторожно молчал весь остаток пути.

Мы вошли—сначала в переднюю, где на вешалке висело десятка два шуб, а затем в большой зал. Не скрою, что мне, как дилетанту в двутавровых балках, доставило истинное удовольствие сопутствовать профессору - докладчику. Другом специалиста по балкам так же приятно быть, как мужем знаменитой певицы или как луной, отражающей блеск солнца.

И, кроме того, разве сейчас, когда я уселся на мягкий стул и внимательно смотрю на доску, на которой рука профессора выписывает какие-то иероглифы,—я не похож на самого обыкновенного спеца, привыкшего не хуже других швыряться балками? Кто догадается, что в моей голове нет ни одной балки?!

В зале было ровно столько же человек, сколько шуб на вешалке. Люди—самые разнообразные и по костюмам, и по возрасту. Но, несомненно, все они—отъявленные спецы, и лишь один я, по своей квалификации, выпадал из этой компании людей особого, высокого мира науки.

Мой дорогой друг профессор влез на табурет перед доской, чтобы дотянуться до верхнего этажа. Заполнив весь этот этаж жильцами, в виде углов, крючков и цифр, он сполз с табурета и принялся за середину доски. И наконец встал на колени, перейдя к заселению подвального этажа.

Потом он откашлялся и начал говорить.

— Батюшки! На доске-то! — ужаснулся мой сосед (разумеется, тоже ученый спец), наклонившись к моему уху, которое он принял за спец-ухо.

Дела судачьи

Из Азова сообщают: в связи с небывалым уловом рыбы и затрудненной доставкой ее на рынки Ростова, судак расценивается дешевле одной копейки за фунт.

Рис. Б. Малаховского

— Никак, Иван Лукич, рыбную торговлю открываете?
— Не-е... Это мне сейчас с целкового сдачу судаком сдали.

Польщенный ошибкой, я неопределенно сказал:

— Да уж! Балки, вообще...

Боясь, как бы он не обнаружил мое невежество каким-нибудь неудобным вопросом насчет формул на доске, я сделал вид, что внимательно слушаю.

Профессор говорил. Господи, бывает же такой язык!

Полтора часа без передышки сыпать цифрами и не запутаться! И бывают же такие люди, которые полтора часа могут это внимательно выносить!

Я восхищенно оглядел ученых, сидевших в зале: одни смотрели на докладчика, другие что-то записывали, третьи сидели, опустив головы, чтобы лучше сосредоточиться.

Мой сосед тоже опустил голову. Я хотел увидеть его сосредоточенные глаза. Это не удалось: они были закрыты.

Он спал.

Наконец, докладчик, проведя носом по всем этажам доски, объявил:

— Первая часть закончена. И я позволю себе предложить небольшой перерыв, чтобы подготовить чертежи для дальнейшего.

После чего стал стирать с доски губкой.

Тогда все зашевелилось.

Мой сосед вздрогнул и, подняв голову, уставился на доску. И, хотя все иероглифы уже были стерты, он сказал с ужасом:

— Батюшки! На доске-то!

Тотчас к нему подошел один из тех, которые внимательно писали. В руках у него был лист.

— Посмотрим, что ты сумеешь соврать спросонья по части доклада!—злорадствовал я насчет соседа.

— А ну-ка, — мысленно подзуживал я подошедшего, — задай-ка ему вопросец!

Подошедший сказал:

— Антон Иваныч. Вы берете дрова? Если да, — давайте задаток. Я сейчас заканчиваю список.

— Конечно, беру. Но, голубчик, вы уверены, что дрова будут сухие? Вы понимаете,—вопрос серьезный...

К ним подошло еще несколько ученых. Они очень горячо подхватили разговор о дровах. Дрова их заметно разожгли.

И, в конце концов, покуда профессор исчерчивал доску, все, сколько тут было владельцев шуб, висевших в передней, собрались вокруг дров. Только я и профессор оставались в стороне.

— Странно!—говорил я моему другу профессору на обратном пути.— Нельзя сказать, чтобы этот ваш НОС очень интересовался двутавровыми балками. В перерыве — ни одного слова о балках.

Профессор сердито прогудел в воротник:

— Они заговорили бы, если бы такая балка упала им на голову. К сожалению, это случается только с дилетантами. Ну, а вы? Выспались по крайней мере?

Я ответил, что не привык спать под доклад о балках. Чтобы доказать профессору свое неусыпное внимание, я попробовал сейчас же поразить его дельным вопросом по существу.

Но, как ни старался, ничего не вспомнил из доклада: Пришлось прибегнуть к „Тавриде". В свой голос я вложил при этом возможно больше почтительной любознательности.

— Скажите, профессор... а Таврида не от того же корня, что и двутавровая балка?

Он сбросил меня с извозчика.

Ив. Прутков

ЧТО ЕСТЬ МЕЩАНСТВО?

Рис. А. Радакова

◆ Можно ли хорошо одеваться? Что вы думаете о галстуках? Что должен есть комсомолец? Можно ли пить и сколько? Сколько брать жен? Как жить?— подобными вопросами забрасывают тов. Сольца на докладе о комсомольском быте.

◆ Давайте учиться лучше у Маркса, Чернышевского, Ленина, а не у Александры Михайловны Коллонтай. (Ем. Ярославский. („Мораль, семья и быт").

Заели Егора Октябрева мещанские штучки: клопы, галстуки, пиджаки, блохи, занавески, коты, канарейки, цветочки, всякие там юбки да ботинки на жене...

Заели—и хватит! К чортовой бабушке под хвост! Долой!! Вылазь, товарищ жена, из ботинок! Влазь в сапоги! Ну, и что-ж, что чучело?! От чучела соблазну меньше

Огляделся. Действительно, как-то не тово... И жену мещанскую как-то пожалеть охота... Держись, Егор! Не поддавайся мещанству, Егор!

Докажи Егор! Плюнь на предрассудки, Егор!

Уходит? Ну, и пущай катится, мещанка! Може, и сам бы ушел, но как же можно? Должон же свободную любовь доказать? Сказано у Коллонтай: коллонтайте на все 100 процентов!

О, госс...

И вырвал Егор мещанство с корнем. Гладенько—ни корешков, ни вершков. От всего освободился.
Н-да-а... Что-то не то, братцы! Не с того боку освободился.
Жены нету, занавесок нету, канарейке башка свернута, а клопы гуляют, а блохи скачут...
Не с того начал!

САМОЕ СТРАШНОЕ

Рис. К. Рудакова

ПИШБАРЫШНЯ (обращаясь к заву):

— Товарищ заведывающий, я уже нашла папку. Вот!

РЕГИСТРАТОР (в руках пишбарышни):

— О, боже! Она меня назвала папкой! Неужели придется содержать ее ребенка?

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

РАЗВРАТИТЕЛЬ МОЛОДЕЖИ

В городе Томске сидел за столом в Церабкооп'е и работал тов. *В.*, зам. заведующего административно-хозяйственным отделом.

Тов. *В.*—активный член союза.

Тов. *В.*—член редколлегии стенгазеты.

Тов. *В.*—председатель культкомиссии.

Тов. *В.*—ликвидатор неграмотности в аппарате ЦРК.

Словом—работник во всех смыслах и без дополнительного вознаграждения.

Так вот, по рассказу „Томского Кр. Знамени“:

> Однажды к его замзавовскому столу подошел паренек развязного вида и, наклонившись, состроив конспиративную мину, тихо прошептал:
>
> — Вечеринка! Приходите, товарищ В.
>
> Товарищ В., видя несерьезность мыслей развязного молодого человека, устремил было свой взор в пахнущее отношение.
>
> Но собеседник не отлипал:
>
> — Пожалуйста.
>
> — Ладно, буду—пробурчал товарищ В., соглашаясь, ибо он был «человек и ничто человеческое было ему не чуждо».
>
> Был вечер и была вечеринка.

Назавтра развязный молодой человек заявил в комячейку, что, по его—молодого человека—мнению, *необходимо уволить тов. В., „как развращающего молодежь“*.

Правление ЦРК покряхтело, подумало и налепило куда следует резолюцию:

— *Уволить В. ввиду упразднения должности.*

Несмотря на протесты месткома, уволенного в должности не восстановили, т. к., по мнению одного из мудрецов ЦРК, *„раз постановление было, надо выдержать линию“*.

И выдерживают до сих пор.

Стойкие люди—в Томской кооперации! Прямо-таки—стоеросы! К сожалению, для целей лесного экспорта не годятся и предназначены властями всецело для внутреннего употребления.

На горе окружающим.

ЭХ, ЧИЧИКОВ! ЧИЧИКОВ!

Жаль, умер Павел Иванович Чичиков, скончался преждевременно, не дождавшись расцвета кооперации.

„Призыв“ сообщает:

> Во владимирском ГОРПО и собинском ЦРК обнаружено несуществующих членов-пайщиков в первом—*7985* и во втором—*1300* чел.

Хороший товар мертвые души, а зря пропадает: Чичикова нету!

Впрочем, читатель, не огорчайся: какие-то „еповские“ живые души на мертвых душах подзаработали, и *даже не на мертвых душах, а на неродившихся!*

Во всесоюзном масштабе Чичикову нос утёрли!

Девять тысяч душ?! Не оттого-ли душно в кооперации?

СРАЖЕНИЕ В КАЛУГЕ

Трогательно пишут в калужской „Коммуне“ (№ 64):

> Выстрелы по городу начали греметь еще с 4 часов. То там, то тут вспыхивали револьверные, гремели винтовочные. Отряды вооруженных людей в форме то и дело попадались на улицах.
>
> Особенно громкая перестрелка на площади. Площадь оцеплена. Вспыхивают дула „Наганов“...
>
> Вот группа людей несется к одному дому. Ворота распахиваются. По обоим сторонам с шашками „на-голо“ становится несколько человек. Во двор осторожно, с револьверами в руках, прокрадывается отряд..

Это—не из героического романа, не из хроники гражданской войны. Это в Калуге охотились за бешеной собакой.

Но если здесь упоминается *„перестрелка“*—то, стало быть—собака отстреливалась? Ска-жите—какой редкий случай бешенства! И обязательно—в Калуге!

СОБАКА

„Луганская Правда“ сообщает в номере от 4 апреля о некой собаке, живущей по Почтовой улице, в 9-й трудшколе. Сия собака

> хранится у заведывающего 9-ой трудшколой гр. *Рязанцева в отдельной комнате.*
>
> Однажды, рабочий завода ОКЛ, живущий рядом, стал просить у гр. Рязанцева комнату собаки под жилье своей семьи. Гр. Рязанцев завопил: „Вас рабочих много, а собака у меня одна! Да и дороже она мне всех вас... Не лишу собаку комнаты“...

И никто не поинтересовался—не приходится ли эта собака родственником Рязанцеву? Может быть, росли вместе, учились, воспитывались... А родственников—беречь надо. Может быть, Румянцев от нее наследство ждет? Вот то-то и *оно.*

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОК....

Хорошо спится на вольном воздухе, под гудки паровоза!

> Стрелочники ст. Рязань, М.-Каз. ж. д., дежурящие на постах подъездных путей к депо, имеют скверную привычку спать во время ночного дежурства. Даже громогласные свистки мощных машин серии «Э» не в состоянии разбудить спящего в будке стрелочника. *Машинистам приходится слезать с паровоза, чтобы растормошить спящего.*

Редкий случай, когда „стрелочник виноват“!

Если трудящийся человек, умаявшись на работе, заснет, тут не то, что машинист—тут ни один чорт не поможет.

Разве сам паровоз со скуки сойдет с рельс и наедет на стрелочника!

„ЧТО ПОДПИСЬЮ И ПРИЛОЖЕНИЕМ ПЕЧАТИ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ“

„Орловская Правда“ печатает текст удостоверения, предявленного администрации Орловской технической школы одним из учеников:

> «Я, нижеподписавшаяся гр-ка 1-го Никуличского о-ва, Богородицкой вол., Орловского уезда, Минаева Татьяна, действительно удостоверяю, что я лечила Алексанина Николая (учащегося): у него болел живот от надрыва и лежал дома с 14 по 19 января. *Бабка Татьяна Минаева, а по неграмотности и по личной просьбе расписался* (подпись: *Минаев*). *Подпись руки и неграмотность бабки Минаевой Татьяны Никуличский районсовет свидетельствует. Председатель сельсовета Корочев, секретарь* (подпись неразборчива)».

Наркомздрав рвет и мечет против знахарства в деревне, а сельсоветы удостоверяют бабкину подпись.

Но что делать, если тысячи безработных врачей продолжают цепляться за столицы, а бабки действительно по полсотне лет стоят „лицом к деревне“!

ТРИГОНОМЕТРИЯ

Синусы, косинусы, тангенсы и котангенсы—все это неизбежные спутники тригонометрии, которая—вообще говоря—есть наука, занимающаяся...

Впрочем, заимствуем из „Луганской Правды“ (№ от 4 апреля) следующее определение этой науки:

> 31 марта в железнодорожном фабзавуче на уроке тригонометрии был избит учителем математики Н. А. Бордвиным ученик, и избит так, что потребовалась медицинская помощь: подбитый глаз фабзавучника отказывался работать.

Теперь понимаете, что такое тригонометрия? Определение это тем более точно, что

> сам педагог—бывший директор реального училища.

А вы говорите—косинус...

ИЗВОРОТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Посвещается Ф. Н—ву

До появления в газетах заметки о том, что при исчислении квартплаты алименты, как вид заработка, в расчет не принимаются, все шло нормальным порядком. Марк Львович числился „свободной профессией", жилищное товарищество ежемесячно повышало плату за его квартиру и ежемесячно же происходил в Правлении Жилтоварищества примерно такой разговор:

— Так я-же не могу платить какие нибудь 200 рублей за маленькую паршивую квартиру! У меня же-ж дети, жена!—уверял Марк Львович.

— Как угодно, как угодно!—отвечал управдом.—Наше дело маленькое: вселим к вам кого ни на есть. Вот с третьего номера китаец с семьей давно просится.

И Марк Львович вздыхал и платил.

После появления заметки Марк Львович два дня ходил задумчивый а на третий день проявил вдруг бешеную энергию: куда то бегал, куда то возил жену и детей, брал у управдома какие то выписки, волновался. Члену ревизионной комиссии Жилтоварищества, встретив его на черной лестнице, таинственно шепнул: „Счастье—дым", а председателю сказал, что „вчера он имел очень тяжелую судьбину--шесть свидетелей вызывали и три часа дело тянулось".

А когда пришел срок платежа за квартиру, Марк Львович явился в Правление и торжественно сказал:

— Уже! Кончено—я развелся с женой. Можете поздравить!

Управдом, человек жесткий и материалистически настроенный, не растрогался и, желая разговор перенести на практическую почву, сухо ответил:

— Поздравляем, гражданин Чутовский. Как говорится, каждому овощу свое время. Сейчас гражданку Чутовскую отмечать будете или же когда уедет? За дополнительную свободную площадь на следующий месяц с вас...

— Зачем ей уезжать? Что, в городе так просто найти квартиру, что-ли? Пусть себе живет! Я ей не мешаю, она мне не мешает. А что касается свободной площади, так даже наоборот: ей теперь вовсе отдельную комнату надо.

Управдом почесал карандашом в ухе, подумал и, принужденный покориться железной логике Марка Львовича—не гнать же старую женщину на улицу, в самом деле!—сказал:

— Значит, с вас на следующий месяц как со свободной профессии...

— Извините,—перебил Марк Львович,—тут вы ошибаетесь! Что я с женой развелся—так это раз; что алименты, как вид заработка при исчислении квартплаты в расчет не принимаются—это два, а что я с жены теперь алименты получаю—так это три. У меня даже здесь при себе исполнительный лист на нее имеется. Понимаете, бросила с детьми и хорошо еще, что я в суд подал, а то прямо-же несчастье! С чего бы я жил с маленькими малютками, из которых один даже грудной?

Управдом был ошеломлен.

Когда Марк Львович ушел, заплатив за следующий месяц вместо обычных двухсот рублей два рубля 37 копеек, управдом долго-долго отплевывался и чертыхался, а затем сбегал к председателю.

Немедленно было созвано экстренное собрание, затянувшееся далеко за полночь. После долгих споров, по предложению председателя, было вынесено решение, мудрое и, как все гениальное, простое:

— Если за квартиру платить не может сам Чутовский, пусть за него платит его жена.

Постановив, правление облегченно вздохнуло и разошлось по домам.

А на другой день, когда вызванная управдомом гражданка Чутовская явилась к нему, произошел между ними такой разговор:

— Ежели вы, гражданка, мужа содержать можете должны вы, как свободная профессия, свою площадь оплачивать, вот что,—сказал управдом почти миролюбиво.

Но гражданка Чутовская обиделась:

— Опять вы со своей свободной профессией начинаете? Что значит свободная профессия, когда я уже две недели служащая в большом колониальном деле, как кассирша? Когда вот здесь все документы? Я не понимаю, что за притеснения трудящихся! Я же буду в газеты жаловаться. Я буду..

Управдом разочарованно прервал ее:

— Где вы служите-то?

— Вы спрашиваете, где я служу? Так я вам прямо скажу: в „Пищепродукте" Я. М. Чутовского и Компания я служу—вот где.

— Это что же, у вашего же собственного мужа, что-ли?—спросил управдом, задохнувшись от удивления.

— Во-первых, моего бывшего мужа зовут Мэ, потому что он Марк Львович, а я служу у Я, потому что он Яков Львович Чутовский. А вовторых, почему я не могу быть на службе у брата чужого мне человека, скажите мне пожалуйста, а?

Управдом прищурился, подумал и, хитро улыбнувшись, выдвинул последний козырь:

— Какие-же вы разведенные, когда Софья Александровна из восьмого номера вас в кинематографе вместе под ручку вчера видела? Ответьте мне!

Гражданка Чутовская сконфузилась. Гражданка Чутовская потупила очи. Гражданка Чутовская покраснела. И гражданка Чутовская сказала:

— Ну, что же вы хотите от одинокой женщины? Когда он теперь за мной ухаживает, так что мне делать? И сказать вам правду — он мне немножко таки нравится.

Г. Стеффен

БОЛЬШАЯ СКОРОСТЬ

В Москве и Н.-Новгороде, вследствие неисправности тормозов, составы поездов врезались в тупики.

Рис. Б. Антоновского

— Как ты думаешь, Митька, остановится он в Москве или нет?

СРЕДИ ПОДРУГ

Рис. В. Лебедева

— И стал зав за мной ухаживать, и захотел меня поцеловать...
— А ты что?
— Я сказала: — Нет уж увольте, пожалуйста!
— А он?
— Взял, негодяй, и действительно уволил!

СЛЕДУЮЩИЙ № 19

СМЕХАЧА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

ДЕНЬ ОТДЫХА

(В дискуссионном порядке).

Необходимо выдавать получки накануне дней отдыха... (Проект)

— Итак, — сказал Брюкин, — шабаш получку по пятницам выдавать. Хватит.

— А когда же?

— По субботам. Который человек пьющий,—ему без похмелья никак не обойтиться. Который человек с похмелья - нешто это работник? Трясение у такого человека в руках делается и взор у него мутный,—например, как у кильки или разварного судака с картошкой.

— Правильно! — подтвердил Сухомазов. — Скажем, ежели в пятницу получку давали, то в субботу он, значится, с похмелья. И ему тошно и государству убыток. А ежели я в субботу нагваздаюсь — то-есть не я, а к примеру говорю, — то похмелье у меня на - куда падает? На воскресенье падает у меня похмелье, вот куда оно у меня падает! Беспременно накануне дня отдыха выдавать надо.

— Фиксировать?

— Фиксируй.

Секретарь обмакнул перо и, не торопясь, записал:

— Слушали. Постановили.

Когда постановили, то разошлись.

В пятницу на следующей неделе слесарь Зубин явился домой неожиданно рано.

Авдотья жена Зубина, стояла у корыта и мыла Сеньку. Увидя трезвого мужа, Авдотья едва не выронила ребенка.

— С нами крестная сила!—ахнула она.—Никак тверезый!?

— Крестная сила—антирелигиозный дурман!—строго сказал Зубин.— Есть давай.

— Есть!.. Я и обеда-то не варила, — сказала Авдотья, вытирая ребенка.—И заведенья такого не было, чтоб по пятницам обеды варить... Получки что-ль не было?

— Не было,—сказал Зубин,—завтра деньги получим.

— Денег что-ли в заводе нету?

— Зачем нету? Деньги в заводе есть. Только теперь завсегда по субботам давать будут. Накануне дня отдыха, значит.

— Для чего-ж это так?—удивилась Авдотья.

— Для чего, для че о... Очень просто — для чего... Для похмелья, значит, вот для чего.

Авдотья вместе с ребенком медленно опустилась на табуретку.

— То-ись, как для похмелья?

— А все так же. Понятиев в тибе никаких государственных нет... Ну, прямо никаких, хоть башку руби. Пью я, скажем, или не пью?..

— Да уж чего спрашивать-то, — вздохнула Авдотья.

— Пью. В общем и целом пью. Могу я спьяну или с трясенья в похмельи машину сломать? Могу. От меня государству и режим-экономии убыток? Убыток. То-то и оно!...

— Чего там «то-то»! — еще глубже вздохнула жена.

— Все то же. Раньше я, бывало, в пятницу пью? Пью. В субботу опохмеляюсь? Опохмеляюсь. Государству вред.

— А теперь что же?—тоскливо спросила Авдотья.

— А теперь я, значит, в общем и целом, в субботу деньги получу и выпью. В воскресенье опохмеляться буду, а в понедельник—ни в одном глазе на завод. Здорово!

— Уж чего здоровей!—плюнула Авдотья. — Раньше-то вас пьяницов хоть на заводе-то срамили, что пьяные ходите: чуть что не так—в оборот брали, а теперь что-ж такое будет?

Отдыха от вас окаянных не будет... В пятницу напьешься, бывало, в субботу проспишься, зато хоть воскресенье-то дома сидишь.. И какой леший придумал только это!

Авдотья ткнула ребенка в постель, поставила перед мужем вчерашнюю кашу и потащила корыто.

— Дай тридцать копеек! — неожиданно сказал Зубин.

— Тридцать болячек тебе, пьяняце!—крикнула Авдотья, расплескивая воду. — Привыкли по пятницам-то жрать... Тьфу!...

— Понятиев в тебе нет, — смущенно сказал Зубин и, свернув папиросу, крякнул.

Когда вечером в субботу Зубин, цепляясь обоими руками за дверные косяки, вошел в комнату, Авдотья даже не повернулась.

Зубин оторвался от двери, качнулся и оперся руками о плиту.

— А почему пль-та холодная?

— Ложись уж спать, плита! — сказала жена. — Завтра-то что жрать будешь?

— Завтра куп-пишь...

— Где уж завтра купить: день отдыха завтра. Бывало, с утра в субботу на два дня провизию покупала. Да куды-ж ты на кошку-то садишься, горе мое!...

Балансируя, Зубин прошел к постели и лег.

Утром Зубин долго фыркал под краном, затем нацепил фуражку на мокрую голову и двинулся к дверям.

— Куда ты? — остановила его жена.

— Опохмелиться. Жгет здорово.

— Не пущу я тебя, окаянного! — взвизгнула Авдотья.

— Дура! — сказал Зубин. — Как не пустишь, ежели такое постановление вышло: день похмелья, так сказать, в общезаводском масштабе... Какой же я работник буду, ежели в трясении весь день буду?... Государству убыток...

И вышел.

В понедельник утром Зубин лежал в постели и громко храпел. Авдотья стояла около и трясла мужа за плечо.

— Горе ты мое горькое! — всхлипывала она. — Вставай, лодырь! Гудок был.

Зубин открыл красные глаза, почмокал губами и прохрипел:

— Понятиев в тебе никаких государственных нет. Ну, прямо никаких, хоть башку руби. Могу я машину в трясении сломать? Могу От меня режим-экономии убыток...

И, повернувшись на бок, захрапел еще громче.

Р. Волженин

Примечание Редакции. Прочитала уважаемая редакция дискуссионную статью Р. Волженина и задумалась. Всамделе: в пятницу получку нельзя выдавать — суббота пропадает. В среду нельзя — четверг пропадает. В понедельник нельзя — вторник пропадает. А в субботу ежели выдавать, то просим покорно: налицо вопиющий вывод вышеозначенной картинки из живой жизни трудящегося рабочего.

Поэтому так полагает уважаемая редакция: вообще ни в какие дни пьяницам получки не выдавать. А выдавать ихним женам. И никаких дискуссий.

ГАРДЕРОБ БАЛЕРИНЫ

(На могив: „Ах, зачем нам балетная школа“?).

Оканчивающие акад. балетную школу, за недостатком вакансий, часто идут в портнихи, гардеробщицы и т. д. („Кр. Газета“)

Рис. А Радакова

— Ну, что? Устроилась?
— Обещают, душечка.
— И большой гардероб дают?
— Две вешалки на пятьдесят комерков.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 15978. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2693. Тираж 80.000

НА ПЬЯНОМ ФРОНТЕ

Рис. В. Радлова

На заводах им. Петровского и Ленина (Екатеринослав) в дни получки и в послепраздничные дни невыходы достигают 25—30 проц. Бывают дни, когда на работу не выходят до 4000 чел. (на 25000 общего количества). („Правда“)

... И собрал оратор 4000 человек и сказал:
— Товарищи! Для пьяниц и прогульщиков не должно быть места на заводе!!!

... И покаялись пьяницы и прогульщики, и возопили, бия себя в грудь:
— Правильно, товарищ!
И ушли с завода . . . .

А куда?
Эге, так мы вам и сказали!